

A young man and woman are walking together on a path in a village during autumn. The woman is on the left, wearing a long brown coat and a grey scarf. The man is on the right, wearing a brown jacket, a grey scarf, and a backpack. They are both looking forward with serious expressions. The background shows traditional wooden houses with steep roofs, trees with yellow and orange leaves, and a misty atmosphere.

Света Зуева

**Камень
памяти**

Света Зуева
Камень памяти

«Автор»

2026

Зуева С.

Камень памяти / С. Зуева — «Автор», 2026

Хелен и Марк узнают страшную правду о прошлом своих родителей.
Необычный поворот судьбы направляет их в Псковскую область для
расследования необычной загадки

© Зуева С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Глава 1. Моментальная переоценка ценностей	6
Глава 2. Тени на стекле	8
Глава 3. Земля, помнящая всё	12
Глава 4. Монастырь на границе	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Камень памяти

Оглавление

Оглавление

- Глава 1. Моментальная переоценка ценностей
- Глава 2. Тени на стекле
- Глава 3. Земля, помнящая всё
- Глава 4. Монастырь на границе
- Глава 5. Путь до родительского дома
- Глава 6. Дом
- Глава 7. Первая неудача
- Глава 8. Важная подсказка
- Глава 9. Чья кровь?
- Глава 10. Вторая попытка
- Глава 11. Незваные гости
- Глава 12. Главный вопрос

Глава 1. Моментальная переоценка ценностей

Солнечные лучи пробирались в переполненный детьми автобус сквозь верхушки деревьев, явно препятствуя приятному долгому сну ребят, только что покинувшим летний туристический лагерь. Семнадцатилетняя златовласая красавица Хелена и ее брат – шестнадцатилетний спортсмен и начинающий историк Марк Эдерсон, в отличие от приятелей, не могли заснуть. Они наслаждались прекрасными пейзажами окраин родного Бар–Харбора, слушали музыку в общей паре наушников, делали заметки в своих онлайн–дневниках. В письменной форме они отражали эмоции, которые проживали в моменте, данное занятие им привила мама – практикующий психолог Мэри Эдерсон. Так, по ее мнению, дети лучше справлялись со стрессовыми ситуациями.

Не стовариваясь, Хелен и Марк вносили в дневники схожие записи: им казалось, что удивительнее момента в их жизни никогда не случалось, они были наполнены морем положительных эмоций и предвкушали начало нового учебного года, последнего в старшей школе Бар–Харбора для Хелен. Она была взволнована непростым выбором будущего учебного заведения, много рассуждала и рефлексировала (на слэнге мамы) на эту тему. Сама Хелен, бесспорно, являлась романтической натурой и любила из подобных путешествий возвращаться с папкой новых весьма талантливо нарисованных пейзажей.

– Марк, какое прекрасное лето у нас выдалось: мы впервые посетили Майами с родителями, там так жарко! Мои масляные краски не выдержали такого испытания! Но я, несмотря ни на что, хотела бы после учебы перебраться во Флориду, перейду на акварельные карандаши, в случае чего! – восторженно лепетала Хелена.

– Да, Хелли, там было здорово, я даже встал на сёрф. Но наша природа мне гораздо ближе, поэтому две недели, которые мы провели в палатках, принесли мне гораздо больше удовольствия и отпечатаются в памяти как лучшее воспоминание с этого лета. Чего стоит только момент, когда ты визжала и убегала от бедного енота!

– Да брось ты, лишь бы посмеяться! Я так перепугалась, когда обнаружила енота в нашей палатке. Лучше бы поддержал, а то в следующий раз поедешь один в компании зануд!

– Все–все, Хелли, понял, перегнул, – признал Марк. – Да и куда я поеду без любимой сестренки!

Милую беседу ребят прервал громкий возглас с другого конца автобуса.

– Эй, вы, Эдерсоны, можно к вам подсяду на задний ряд? Тоже не могу заснуть! – прокричал одноклассник Марка и один из инициаторов турпохода Кевин Джаматти. Кевин при любом удобном случае притягивает всеобщее внимание на себя. Он выступает на всех школьных мероприятиях со своими докладами, хотя большую часть научных материалов для Кевина готовит его отец – владелец главного архива в городе Матиас Джаматти.

Кевин любил утомлять своими беседами всех одноклассников, но, поскольку большая часть ребят задремала, в этот раз выбор пал на Марка и Хелену Эдерсонов.

– Потихе, Кевин, – сделала замечание мальчику наставница для группы юных туристов из старшей школы Бар–Харбора Мисс Джонс.

– Давай, проходи! – Марк позволил выскочке Кевину Джаматти нарушить их с сестрой идиллию.

Кевин напыщенно улыбнулся, взял свой рюкзак, протолкнулся сквозь заваленный детскими походными вещами проход и приземлился на задний ряд автобуса к Эдерсонам.

– Ну, чего тебе, Джаматти? – раздраженно начала беседу Хелен.

– Слушайте, Эдерсоны, мне тут занятая картинка недавно попала в руки, да я сейчас покажу, – Кевин потянулся за рюкзаком, достал ноутбук, открыл незнакомую фотографию. – Мой отец выкупил остатки архива старого детского дома, закрывшегося у нас в 2005 году.

– Да, знаю это место. Здание, где раньше располагался детский дом, снесли, несмотря на его уникальную архитектуру. Я готовил доклад про него, изучал материалы в библиотеке.
– Сообщил Марк.

– Оказывается, этот детдом активно сотрудничал с СССР и впоследствии с Россией, в Бар–Харбор свозилось много русских детей. – Продолжил Кевин.

– Не может быть! – удивилась Хелен. – Как в нашем небольшом городке могла быть реализована эта программа по транспортировке детишек в совершенно чужую для них страну? И почему ты решил нам об этом рассказать?

– Да я говорю, что случайно увидел фотографию. Сами взгляните: здесь запечатлены списки поступивших детей в 2001 году. К моему удивлению, среди всех детей числятся брат с сестрой, чьи даты рождения совпадают с вашими. – На одном духу произнес Кевин.

– Всего лишь совпадение. – Уверенно сказал Марк.

– Я тоже так подумал, пока дальше не нашел реальные фотографии детей. Марк, Хелена, посмотрите, разве это может быть совпадением? У меня не осталось сомнений, что в 2001 году именно Вы были запечатлены на картинке и, следовательно, были в детском доме.

– Не может быть... – все, что смогла вымолвить Хелен.

– Может. И отец подтвердил мои догадки... – сообщил Марк.

Глава 2. Тени на стекле

Автобус мерно покачивало на поворотах, но для Хелены и Марка время словно остановилось. Фотография на экране ноутбука Кевина смотрелась чужеродным артефактом в этом привычном мире походных рюкзаков и запыленных окон.

На снимке, выцветшем и поцарапанном, стояли двое малышей. Девочка со светлыми волосами, собранными в два смешных хвостика, и мальчик чуть постарше, серьезно смотрящий прямо в объектив. Их лица были немного напуганы, а одежда – явно чужая, великоватая.

Марк почувствовал, как под ложечкой образовался холодный ком. Он всегда знал, что в его жизни чего-то не хватает. Не в смысле любви или заботы – родители Мэри и Джон дали им столько тепла, сколько другие дети не получают и за всю жизнь. Но были сны, которые повторялись годами. Сны на незнакомом языке, где женский голос напевал колыбельную про маленького серенького зайку, а мужские руки подбрасывали высоко-высоко к потолку, который почему-то был расписным, с ангелами.

– Ты врешь, – тихо сказал Марк, но в голосе не было уверенности. – Это фотошоп. Ты просто завидуешь, что я получил высший балл за доклад об архитектуре этого дома.

Кевин не обиделся. Он вообще никогда не обижался на Марка, поскольку где-то в глубине души уважал его прямоту.

– Верить или не верить, Эдерсон, выбор за тобой. Мой отец может показать вам оригиналы. Он как раз собирался связаться с вашими родителями, но я решил, что лучше подготовить вас. Думал, обрадуетесь – узнаете что-то новое о себе. А вы...

– А мы просили тебя лезть в нашу жизнь? – Хелена вскочила, но автобус качнуло, и она снова плюхнулась на сиденье. Ее волосы растрепалась, в глазах блестели слезы. – Ты хоть понимаешь, что сейчас сделал? Мы всю жизнь считали себя Эдерсонами! У нас есть мама и папа!

– Хелли, тише, – Марк перехватил ее руку. – Весь автобус смотрит.

Действительно, несколько человек уже проснулись и с любопытством оглядывались на задний ряд. Мисс Джонс встала со своего места и направилась к ним, но Кевин захлопнул ноутбук и сделал вид, что ничего не случилось.

– Все в порядке, мисс Джонс, – его голос звучал неестественно бодро. – Просто обсуждаем планы на учебный год.

Наставница подозрительно посмотрела на троицу, но вернулась на место.

Оставшиеся два часа до Бар-Харбора прошли в гробовом молчании. Хелена смотрела в окно, но ничего не видела – пейзажи родного города, которые еще утром казались ей верхом совершенства, теперь выглядели чужими, нарисованными. Марк лихорадочно перебирал в голове все свои исторические изыскания. Русский детдом в Бар-Харборе? Он действительно наткнулся на эту информацию, но никогда не связывал ее с собой.

Кевин чувствовал себя удрученно. Он хотел как лучше, хотел удивить друзей (да, он считал их друзьями, несмотря на постоянные подколы) уникальной находкой, а вместо этого разбил им сердца. Когда автобус наконец вкатился на стоянку у школы, где родителей уже ждали учеников, Джаматти тихо сказал:

– Простите. Я правда не думал, что так выйдет. Если захотите поговорить с отцом – приходите в архив. Адрес знаете.

Он выскочил из автобуса первым, даже не попрощавшись с одноклассниками.

Хелена и Марк вышли последними. Среди встречающих они сразу увидели людей, которым до недавнего момента доверяли больше, чем себе, Мэри и Джона Эдерсонов – те приветственно махали руками, улыбаясь во все тридцать два зуба. Мама держала в руках Тотти

(шленка, которого недавно завел Марк), а папа – коробку с пончиками из любимой кондитерской Хелены.

– Ну, как съездили? – Мэри обняла детей так крепко, что у Хелены перехватило дыхание.

– Мы так скучали! Две недели без вас – просто вечность!

– Мам, – голос Марка дрогнул. – Нам нужно поговорить. Серьезно.

Джон переглянулся с женой. Что–то в глазах сына заставило его улыбку медленно исчезнуть.

– Хорошо, – сказал отец спокойным голосом. – Поехали домой. Там и поговорим.

Привычная дорога от школы до дома заняла десять минут, но они показались невыносимо мучительными для всех членов семьи. Хелена сидела на заднем сиденье, вцепившись в руку брата так, что побелели костяшки. Мэри то и дело оборачивалась, пытаясь поймать взгляд детей, но те с некоторой тревогой смотрели в окна.

Дом Эдерсонов стоял на холме, с видом на скалистые горы и бескрайние леса. Большой, деревянный, с верандой, увитой плющом, и качелями, на которых Хелена любила читать книги. Раньше это место казалось им самым безопасным в мире. Сегодня оно выглядело как декорация к чужой жизни.

– Проходите в гостиную, – сказал Джон, снимая куртку. – Мэри, может, чай?

– Я поставлю, – она автоматически направилась на кухню, но Марк остановил ее:

– Мам, пап, садитесь. Пожалуйста. Чай подождет.

Они расселись в гостиной. Хелена сжалась в кресле, обхватив себя руками. Марк стоял у камина, не в силах усидеть на месте. Мэри и Джон сели на диван, и впервые дети заметили, как напряжены их родители. Будто они знали, что этот разговор когда–нибудь случится.

– Кевин Джаматти показал нам фотографию, – выпалил Марк без предисловий. – Из старого детского дома. Там были мы. Как такое могло произойти?

Повисла тишина. Такая густая, что было слышно, как за окном поднялся ветер.

Джон медленно выдохнул и опустил голову. Мэри закрыла лицо руками.

– Мы знали, что этот день настанет, – голос матери дрожал. – Боялись его семнадцать лет. Думали, может, вы никогда не узнаете. Может, так будет лучше. Но мы ошибались.

– Это правда? – голос Хелены прозвучал тонко, по–детски.

Джон поднял глаза. В них стояли слезы.

– Это правда, дорогие мои, но не вся. Есть кое–что еще.

Он встал, подошел к старому секретеру, который всегда стоял в углу гостиной, и достал ключ. Открыл нижний ящик, вынул потрепанную папку и конверт из плотной бумаги, пожелтевший по краям.

– Мы должны были отдать вам это, когда вам исполнится восемнадцать, – сказал он, возвращаясь на диван. – Но, видимо, судьба распорядилась иначе. Ваши родители – биологические, – поправился он, видя замешательство детей, – погибли. В России. В автокатастрофе. В 2000 году.

Марк переглянулся с Хеленой. 2000 год – им тогда было около года и двух лет соответственно. Они ничего не могли помнить.

– Это не просто автокатастрофа, – вдруг сказала Мэри, и в ее голосе появились металлические нотки, которых дети никогда не слышали. – Мы не хотели вам рассказывать, пока вы не станете старше, но раз уж все вскрылось... Ваш отец, Илья Соколов, занимался чем–то важным. Очень важным. Он был историком, но не простым. За ним следили. За несколько дней до гибели он успел отправить письмо моему отцу – вашему дедушке. Они дружили еще со времен учебы в Москве, в МГУ.

– Дедушка Том? – удивился Марк. Томас Эдерсон, профессор славистики, умер, когда Марку было пять лет. Он смутно помнил высокого старика с седой бородой, который учил его русским народным сказкам.

– Он самый, – кивнул Джон. – Том всю жизнь занимался русской культурой. Именно он помог организовать ваше усыновление, когда случилась трагедия. И именно он передал нам это.

Он протянул детям конверт. На нем размашистым почерком было написано по-русски: «Моим детям. Вскрыть, когда они будут готовы узнать правду. Илья Соколов».

Хелена взяла конверт дрожащими руками. Он был легким, почти пустым. Она открыла его и вытряхнула содержимое на журнальный столик: маленький ключ с номером «217», старая фотография молодой пары на фоне необычной башни и письмо, сложенное вчетверо, написанное от руки по-русски.

– Мы не переводили, – тихо сказала Мэри. – Ждали, что вы выучите язык сами. Том говорил: «Пусть дети сами прочитают, что хотел сказать им отец. Это будет правильно».

Марк взял письмо. Русский язык он изучал на факультативе последние два года, но беглого чтения пока не хватало. Он смог разобрать только первые слова:

«Дорогие, Елена и Марк... если вы читаете это, значит, меня больше нет...»

Голос его прервался. Хелена всхлипнула.

– Кто они были? – спросила Хелли, глядя на фотографию. Молодые мужчина и женщина улыбались в объектив, счастливые, беззаботные. Женщина держала на руках младенца – крошечную девочку в розовом комбинезоне. Мужчина обнимал мальчика лет двух, который пытался схватить фотоаппарат.

– Илья и Анна, – ответил Джон. – Он – историк, она – лингвист. Они работали вместе. Исследовали древние артефакты, легенды... И нашли что-то важное, секретное, отчего, видимо, и нажили себе врагов.

– Что именно? – спросил Марк.

– Мы не знаем точно, – призналась Мэри. – Том говорил что-то про «Камень Памяти», кажется. Какую-то древнюю реликвию, которую они искали в Псковской области в России.

Марк и Хелена переглянулись. «Камень Памяти» – название звучит как выдуманный магический атрибут из «Гарри Поттера», но почему-то от них по спине побежали мурашки.

– Я думаю, что, когда нам исполнится восемнадцать, мы обязательно поедem в Россию, – твердо сказала Хелена. – Поступление в университет я отложу, пока не узнаем правду.

Мэри покачала головой:

– Девочка моя, это опасно. Если кто-то действительно инсценировать смерть ваших родителей...

– Тогда тем более, – перебил Марк. – Мы имеем право знать. И если это был не просто несчастный случай... если их правда убили...

Он не договорил, но Мэри и Джон осознали твердую решимость детей. В глубине души они гордились выбором Хелли и Марка.

Джон тяжело вздохнул:

– Мы не можем вас остановить. Это ваш выбор. Но дайте нам слово: вы поедете не одни. Мы найдем кого-то, кто поможет. У Тома остались связи в России. Старые друзья, которым можно доверять.

– Хорошо, пап, – кивнул Марк. – Обещаем.

Джону стало несказанно приятно на обращение «пап» в его сторону от Марка, несмотря на новые вскрывшиеся факты.

В тот вечер все члены семьи долго сидели в гостиной, рассматривая фотографии, читая по слогам письмо отца (Мэри помогала с переводом), пытаясь сложить разрозненные кусочки мозаики. Илья писал о любви к ним, о том, как мечтал вырастить их в России, показать им Москву, Псков, древние монастыри. О том, что их исследование – самое важное в его жизни, и что однажды они поймут почему.

Но далее в письме были странные строки: «Камень – не просто артефакт. Он практически живой. Он выбирает. Мы думали, что ищем его, но теперь я понимаю – это он нашел нас. И возможно, однажды он найдет вас. Не бойтесь. Он несет не разрушение, камень сохраняет память. А память – это единственное, что остается после нас...».

– Что это значит? – прошептала Хелена.

Никто не ответил. За окном шумел лес, такой же вечный и загадочный, как и тайна, которая только начинала раскрываться перед ними.

Марк взял в руки ключ с номером «217». Металл приятно холодил ладонь.

– Как вы думаете, от чего этот ключ? Дедушка Томас о нем не упоминал? – спросил Марк.

– Понятия не имеем, – ответил Джон. – Но Том говорил, что это важно. Что вы поймете, когда придет время.

Хелена посмотрела на брата. В его глазах горел тот самый огонь, который появлялся, когда он находил в архивах что-то по-настоящему ценное. Она вдруг поняла: теперь их жизнь разделилась на «до» и «после». И обратной дороги нет.

– Мы поедem в Россию, – твердо сказала она. – Как только Марку исполнится восемнадцать. Вместе.

– Вместе, – эхом отозвался Марк.

Тогда они еще не знали, что судьба готовит им встречу гораздо раньше, и что ключ с номером «217» откроет не просто дверь, а целый мир, где прошлое и настоящее переплетутся так тесно, что грань между ними исчезнет...

Глава 3. Земля, помнящая всё

Самолёт до Москвы трясло на воздушных ямах, и Хелена вцепилась в подлокотник так, будто от этого зависела её жизнь. Марк сидел у иллюминатора и смотрел на бескрайние леса внизу – они тянулись до горизонта, тёмно-зелёные, с редкими вкраплениями озёр, похожих на осколки зеркал.

– Высота шесть тысяч метров, температура за бортом минус двадцать градусов по Цельсию, – объявил пилот по громкой связи. – Через двадцать минут начинаем снижение.

Хелена перевела дыхание. Она ненавидела турбулентность, но ещё больше ненавидела признаваться в этом брату. Марк, конечно, заметил.

– Боишься? – спросил брат.

– Думаю о маме с папой. Как они там?

– С ума сходят. Я обещал звонить каждые шесть часов.

– Будешь?

– Нет.

Они улыбнулись друг другу. Последние полгода были адом: выпускные экзамены у Марка, подготовка документов, враньё про «образовательную поездку» для визы. Мэри и Джон знали правду, конечно, но помогали молчать. Даже Кевин Джаматти, чувствуя вину за ту фотографию, раздобыл через отца копии всех документов из детского дома и передал им перед отлётом.

Теперь старую пожелтевшую фотографию ребята Марк держал в руках в самолете. Совсем скоро они прибудут на родину своих родителей.

Москва встретила Хелли и Марка серым небом и небольшим снегом. Они взяли такси до гостиницы и всю дорогу молчали, разглядывая город. Он был старым. Не как в Бар–Харборе, где «старое» означает лет сто, а по–настоящему древним – с церквями, которые помнили Ивана Грозного, с крепостными стенами, пережившими осады, с домами, чьи фундаменты уходили в землю на полтысячи лет назад.

– Тут пахнет историей, – тихо сказал Марк.

– Чем тут пахнет, не подскажу, но здесь ужасно холодно, – фыркнула Хелена, но в глазах у неё было то же самое благоговение.

Таксист, мужчина лет пятидесяти с усами, которыми мог бы посоперничать только Джейми Хайнеман¹, услышал их акцент и оживился:

– Американцы? Туристы?

– Вроде того, – уклончиво ответил Марк на русском, который всё ещё давался ему с трудом.

– Зря приехали. Погода дрянь, морозы колючие. Наши вон все в Дубай улетают, а вы сюда.

– У нас дела. – Холодно произнес Марк.

– Дела? – таксист присвистнул. – Ну–ну. Смотрите, не вляпайтесь. У нас тут тихо только на первый взгляд.

Хелена дёрнула брата за рукав. Она не всё поняла, но интонация водителя ей не понравилась.

– Что он сказал? – прошептала Хелена.

– Что мы зря приехали. Оптимист.

В гостинице ребят ждал сюрприз. На стойке регистрации лежал конверт с надписью «Эдерсонам». Без обратного адреса, только их фамилия, выведенная аккуратным почерком.

¹ Американский специалист по спецэффектам, ведущий телепередачи «Разрушители легенд».

– Кто оставил? – спросил Марк у администратора, пожилой женщины с укладкой, которая помнила Советский Союз.

– Мужчина приходил. Часа три назад. Сказал – передайте приезжим. И ушёл. – Отрапортовала женщина.

– Как он выглядел?

– Обычно. Высокий, седой, в очках. Интеллигентный такой.

Марк разорвал конверт. Внутри лежал листок бумаги с одним–единственным словом: «Ждите».

– Что это значит? – Хелена заглянула через плечо.

– Понятия не имею. Но кто–то знает, что мы здесь.

Они поднялись в номер, начали разбирать чемоданы. Марк достал из рюкзака письмо отца – то самое, что сохранил для внуков дедушка Томас. Перечитывали его сотню раз, каждое слово выучили наизусть, но надеялись, что здесь, в России, откроется что–то новое.

Илья писал хаотично, урывками. Записи перемежались схемам, но главное – он постоянно возвращался к одной мысли: «Камень не артефакт в обычном понимании. Он не лежит в земле, как монета или украшение. Он – часть земли. Вернее, часть памяти земли. Старцы в Печорах говорят, что он может являться тем, кто готов его увидеть. Остальным – только снится. Интересно, увидят ли его когда–нибудь мои дети?».

– Бред какой–то, – выдохнул Марк, закрывая дневник. – Камень, который является. Что это вообще значит?

– Ты не веришь нашим родителям?! – практически перешла на крик Хелена.

– Я историк, Хелли. Я верю в документы, в раскопки, в научный метод. А это... это похоже на легенду.

– А фотографии? А ключ? А то, что нас кто–то уже ждёт здесь?

Марк промолчал. Он не знал, что ответить.

Вечером, когда город за окном начал зажигать огни, в дверь постучали.

Три коротких удара. Пауза. Ещё два...

Марк подошёл к двери, жестом приказав Хелене оставаться на месте. Открыл.

На пороге стоял высокий седой мужчина в очках – точно такой, как описывала администратор. Лет шестидесяти, с немного уставшим выражением лица и внимательными глазами, которые, кажется, видели слишком много.

– Марк и Елена Соколовы? – спросил он по–английски с едва заметным акцентом.

– Бывшие Эдерсоны, – ответил Марк, не двигаясь с места. – Кто вы?

– Меня зовут Вадим Андреевич Громов. Я был аспирантом вашего отца. И, кажется, единственным, кто выжил после того, что случилось в 2000 году.

Хелена подошла ближе, встала за спиной брата.

– Это вы оставили записку? – спросил Марк.

– Да. Извините за конспирацию. Я не знал, следили за вами или нет. Лучше перебдеть.

– За нами? – Марк нахмурился. – Кто за нами может следить?

Громов усмехнулся – невесело, с горечью.

– Вы понятия не имеете, во что ввязались, да? Ваши родители погибли не случайно. И те, кто это сделал, до сих пор ищут то, что они нашли. А теперь появились вы. Двое детей, которые едут в Россию и задают вопросы. Думаете, это останется незамеченным?!

Холодок пробежал по спине Хелены.

– Входите, – сказала она тихо. – Рассказывайте.

Они проговорили до полуночи.

Громов рассказал им то, чего не было в письме отца. О том, как Илья и Анна работали в закрытом институте, который официально занимался древнеславянскими текстами, а неофициально – тем, что сейчас назвали бы «паранормальным наследием». О том, как они наткну-

лись на упоминания Камня Памяти в рукописях XVI века. О том, как поехали в Псковскую область проверять легенду – и нашли нечто, что перевернуло их жизнь.

– Они не говорили мне, что именно, – признался Громов. – Только то, что это реально. И что это опасно. За две недели до гибели Илья пришёл ко мне и передал свой дневник. Сказал: если со мной что-то случится, передай детям, когда вырастут. Я спрятал. А потом... потом их не стало.

– Но вы не передали! – резко сказал Марк.

– Потому что за мной тоже следили. Я уехал из Москвы, сменил работу, имя почти. Только недавно вернулся. Вас я хочу предупредить. То, что искали ваши родители, до сих пор существует. И до сих пор привлекает внимание. Есть люди, organisation, кому очень не нужно, чтобы Камень нашли. Или чтобы он попал не в те руки.

– В какие «не те»?

Громов помолчал, поправил очки.

– Понимаете, Камень Памяти – это не просто легенда. Если верить тому, что нашли ваши родители, он может... показывать прошлое. Настоящее прошлое, не искажённое документами и свидетельствами. Любые события, любых людей, любые времена. Представляете, что это значит для тех, кто хочет контролировать историю? Для тех, кто хочет переписать её под себя?

Хелена вспомнила строчки из письма отца: «Камень не просто артефакт. Он живой. Он выбирает...».

– А если он выберет не тех? – спросила она.

Громов посмотрел на неё долгим взглядом.

– Тогда история станет оружием. Самым страшным из всех возможных.

В комнате повисла тишина. За окном прокричал ворон, его крик звучал низко и печально.

– Где нам искать Камень? – спросил Марк.

– Я не знаю. Ваши родители знали, но не записывали. Боялись, никому не доверяли.

– Тогда зачем мы здесь?

Громов встал, подошёл к окну, посмотрел на тёмный и заснеженный город. Прошептал:

– Затем, что если Камень действительно выбирает, возможно, он выбрал вас. Вы – его последняя надежда. И последняя надежда ваших родителей – что правда не канет в Лету.

Он повернулся к Хелен и Марку.

– Завтра вы должны отправиться в Псковскую область, в Печоры. В монастырь, где в последний раз видели ваших родителей перед гибелью. Там есть один старец... отец Николай. Он ещё жив, слава Богу. Если кто и знает правду – то он.

– А вы? – спросила Хелена. – Вы поедете с нами?

Громов покачал головой.

– Не могу. За мной следят. Я и так рисковал, придя сюда. Дальше вы сами. Но запомните: никому не доверяйте. Вообще никому. В Печорах спросите отца Николая. Скажете: «От Ильи и Анны». Он поймёт. Только сейчас совсем не сезон для... поисков, возвращайтесь весной.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– И ещё. Ваш отец любил повторять: «Память сильнее смерти». Я не знаю, правда это или нет. Но если Камень существует... может, вы сможете это проверить.

Дверь закрылась. Хелена и Марк остались одни в гостиничном номере, глядя друг на друга.

– Это какое-то безумие, – сказала Хелена.

– Ага, – согласился Марк. – Но другого выбора у нас нет. Вернемся весной, раз сейчас «не сезон», еще целых три месяца непонимания...

Он взял ключ с номером «217», повертел в пальцах. Металл блеснул в свете ночника.

– Да, в апреле пойдем в Печоры, – сказал он. – Ложись пораньше, отдохни, я организую билеты и пока изучу дневник, который передал Громов, он полностью на русском.

Хелена ушла в ванную, а Марк раскрыл потрёпанные страницы. Дневник был полон схем, координат, описанием пути мамы и папы к большому открытию. Илья часто упоминал отца Николая, монастырь, дом и машину, на которой, основываясь на версии дедушки Тома, и разбились Соколовы. Здесь было много чувств, эмоций и открытых вопросов. На самом деле, дневник Марка был очень похож на отцовский, в груди защемило. Слишком похожим было их мироощущение.

Глава 4. Монастырь на границе

В апреле ребята вернулись заматеревшими: оба подтянули русский язык, много изучали историю Пскова и Печорского монастыря. Проводили время с американскими родителями и собачкой, проводили время как обычные подростки, отгоняли страшные мысли.

Самолет привычно приземлился в Москве, уже позеленевшей и более солнечной. Перелет в этот раз был менее страшным. В столице Ребята арендовали машину, чтобы добраться до древней земли, хранившей память об их родителях. Марк настоял на серой «Ладе», чтобы не выделяться среди местных ландшафтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.